

Рена

Жушанова

А НА ТОМ БЕРЕГУ...

ПРОГНОЗ

Мы еще ходим в кино (в галерею, в театр),
ты мне расскажешь в порыве о важном чем-то,
нас отвезет «Мерседес» (велорикша, фиакр)
в странное место под знаком «Кулички чёрта».

Пультom пощелкаем тупо, и с пивом фисташки.
Приостановим мгновенье, сдав свою душу,
и обсмеем – так, беззлобно – попсовую пташку
в мире искусственном. Как ее – Няшу? Ньюшу?

Бал будет пышным, побег нерасчетливо-быстрым,
пусть потеряются туфли (кроссовки, бутсы).
Если на стенке ружье, значит, должен быть выстрел.
Чувств нефильТРованных морем не захлебнуться б.

* * *

неделю подряд без продыху ураган
опять запустили там что-то или кого-то
и нет нам спасенья и выдуман зурбаган
и не было рафаэля да винчи джотто

лишь воющий ветер безумный и ай-дала
плюс приступ мигрени помноженный на усталость
а спутник встречает космические тела
интрижка у них наверное завязалась

сугубо им фиолетово что дыра
в озоне пробита и буря всю ночь драконит
вновь стон исторгает из огненного нутра
ракета на байконуровском полигоне...

* * *

Рубить узлы дано не всякому,
как день всё ясно только в храмах –
мулле, аббату, протодьякону...
Нам ближе – ослик буриданов.

Он, помянув святых угодников,
ныряет в зыбкую тональность,
терзаясь вечным треугольником:
побег, протест или лояльность?

* * *

Дьявол не носит «Prada».
Гость из Эдемского сада,
с древа – ползучим гадом –
в души людские влип.
Волком с личиной-овчиной,
женщиной ли, мужчиной,
классным, как Аль-Пачино,
стильной, как Мерил Стрип,

тайно, вне света рампы,
ласково, тихой сапой,
кошкой с тигриной лапой,
бесом хромым в ребро –
сладким дурманит ядом,
сердце пронзает взглядом,
Рай обращает Адом,
Злом подменив Добро.

Мыслью, словом ли, делом,
кровью чужой ли, телом,
клавиатурой, мелом –
демон с тобой грешит.
Слабый падёт без боя,
выбывши вмиг из строя –
тот, кто неладно скроен,
из лоскуточков шит.

Но, сколь ни вей веревку,
совесть глуша неловко,
ложью, как из винтовки,
целя себе же в лоб –
грянет когда-то финиш:
перегоришь, остынешь,
и, протрезвев, раскинешь
мозгом, сказавши «стоп».

Пикой и акинаком,
животворящим знаком
в утро по Пастернаку,
сам себе – экзорцист.
Сгинуло чертово семя.
Ровно струится время,
вновь – «на коне», и «в теме».
Снова – как чистый лист.

* * *

Когда-то я замру на полчаса,
чтоб выпить чашку чаю с книгой ветхой,
не слыша ни соседей голоса,
ни гулкий топот лестничною клеткой.

Когда-то я возьму цветов букет
в тревожно-желтой солнечной палитре
и, легкий плащ накинув, двадцать лет
отброшу, записав их мелко в титры.

По улице в сиреновом плену
я побреду в полубреду счастливом,
и чей-то взгляд нежданную весну
вдруг авантюрным обожжет мотивом.

Вот рукопись, которой не сгореть,
вот камелёк, подвальчик маргинальный....
но этот сон цветной не досмотреть.
Будильник. Утро. Буднично. Нормально.

* * *

Сестре моей Гале

золотая прохлада прощания
осыпается жухлым листом
мимолетна весёлость отчаянья
недочитан увесистый том

мы не видим Всевышнего в сурах
нам что поп что мулла что раввин
допустимая доля абсурда
рыбкой плещется в теплой крови

допустимая доза промилле
разрешенный прерывистый вздох
в небесах только облачко пыли
да бесстрастно взирающий бог...

* * *

Булату Мекебаеву

Собрать холсты – и в дальнюю дорогу,
 тех двух десятков лет как будто нет...
 Ни жуткий Босх, рифмующийся с богом,
 ни мишки Шишкина на фантиках конфет
 не стоят мессы. Редкие слезинки.
 Мосты меж стран – как пуповины нить...
 Шагнуть еще раз в Кылшакты-Копинку,
 и всё нежнее Родину любить...
 Встречает дом октябрьской прохладой,
 в осенней дымке Синяя гора.
 Булатным взмахом – кисть неономада,
 без юрт, коней, домбры et cetera...

* * *

не окуджавы мы, не визборы,
 строчим без всяких притязаний,
 у нас одна свобода выбора –
 модернизация сознания

придурковатой и безденежной,
 чуть свет гоняющей на велике,
 и в памяти хранящей бережно
 то, что не кажут нынче в телике

злой мухой-музою ужаленной,
 такой-сякой, чуть-чуть неправильной
 останусь где-то за скрижалями
 книжонкой маленькой засаленной...

* * *

Людское счастье скупо цедится,
 а боль хлебается ушатами...
 Ах, отчего я не медведица
 в берлоге снежной, с медвежатами?

Окрест сугробы, елки, затеси,
 темно, хоть в глаз коли рогатиной...
 И нет нужды в блокнотных записях,
 ни с кем не меряешься статьями...

Зарыться в снег. Контакты порваны.
 Коктейль прощанья и прощения.

Ни честолюбия, ни гонора.
Лишь лапок детских ощущение...

* * *

За окошком нестойкий ноябрьский снег,
шелестит примороженный глобус.
Элка видел сегодня аташку во сне,
будто в старенький сел он автобус....

Не Харон к берегам Елисейских полей,
к песнопеньям цветной райской птахи, —
дряхлый «пазик» с маршрутом в селенье теней,
где блаженные ждут аруахи...

* * *

обитать в предлагаемых нам обстоятельствах,
в рамках благопристойной досужей молвы,
петь слащаво, в мозгу полоская ругательства, —
конформизм, невеликая доблесть, увы...

подхалимам — куски, несговорчивым — палица,
рвутся крики бунтарские из-под кнута...
мир дряхлеет, но в нем ничего не меняется:
на любого Биржана есть свой Жанбота*

по дорожкам, усыпанным ровненьким гравием,
байский отпрыск гарцует на белом коне
и, торгуя на ярмарке мелким тщеславием,
криворото вещает о завтрашнем дне**

а бедняк златоустый без роду и племени,
с рюкзачком и букетом всегдашних забот,
арендует времянку у жадного Времени,
где его никогда и никто не найдет...

* Биржан — прославленный певец-бунтарь, Жанбота — волостной правитель.

** «Ауызы кисық болса да, бай баласы сөйлесін» — «Пусть говорит байский сынок, даже если рот кривой» (казахская пословица).

* * *

впаривая тюльку по цене форели,
пользуясь по ходу теми, кто в ходу,
двигаясь по трупам к вожденной цели,
забронируй место для себя в аду

пушечное мясо, маленькие пешки
молятся и плачут, чтобы пронесло,
может, не заметят в этой жуткой спешке,
есть ведь покрупнее твари, конь и слон

пастырям покорны овцы и барашки,
носятся по кругу, как им повелят,
каждый сберегает милую рубашку,
все в игру играют, вечный шах и мат...

* * *

Это никакой не апокалипсис,
не день гнева, не Армагеддон.
Просто – август, лето вдруг состарилось,
прохудился божеский бидон

с тоннами воды для нас, и с холодом
в каждой капле, чтоб жилось бодрей
жителям аула или города
необъятной родины моей...

* * *

ты снишься мне в какой-то безрукавке
так близко руки наши, рядом лица,
и я, как будто в «Превращенье» Кафки,
боясь большим жуком свалиться с лавки,
спросонья не могу пошевелиться
там было ожиданье с придыханьем,
и бессловесность не была пороком,
там чехарда желаний или маний
окутана покровом тонких мантий,
и райский плод сочился винным соком
себе я веки подниму, как Вию,
и грёзы отряхну массажной щёткой,
от остеохондроза тянет выю,
соседский пёс ревет болотной выпью,
а дочка теребит меня за щёку...

* * *

...а на том берегу,
высоко среди сосен пахучих
я увидеть могу
нур – сияющий солнечный лучик

а на этом резвится
двухлетняя радость босая:
ни коня ей, ни принца
не надо, мы шишки бросаем

в зерендинские волны
под пологом облачной шали,
над горой отсвет молний,
и нет ни зимы, ни печали....

* * *

Заманчивая перспектива вроде бы –
добычей стать для братьев-журналистов,
бросать в лицо, как оперный Юродивый,
куски соленой истины мясистой.

Но каждый раз одолевает рацию,
в тюки трамбюя мыслей стекловату
и жизнь мою – тельняшку Бонифация,
чересполосицей, чуть тесноватой.

ОСЕННЕЕ

оставляю тебя по ту сторону зла и добра
прекращаю смотреть на улыбки твои в инстаграме
как нарочно осенняя выдалась мокрой пора
непогода прессует врезаясь тупыми углами

догорит серенада в сезонном пожаре листвы
вновь завоет за окнами зябко тоскливо простудно
души грешные там инквизиции жарят костры
до весны далеко беспросветно замедленно трудно

* * *

Называя по-новому старые тесные улицы,
мы поверженным идолам вбили осиновый клин.
В сонном сквере развенчанный вождь саркастически щурится,
а соратника в бронзе куда-то во двор сволокли.

Мы по капле пытаемся выдавить рабство из памяти,
растереть и забыть – будто страшный навязчивый бред.
Только что о героях сегодняшних завтра узнаете?
Что в парадных обёртках проглоченных вами конфет?

Тени прошлого, мелкие сошки, безвинно страдавшие,
жертвы чьих-то амбиций, посулов, глобальных идей,
как разбитые клавиши, тихо и мёртво запавшие,
как слепые котята в холодной и мутной воде,

мы болтаемся под микроскопом с ущербными линзами,
чьи-то дни сочтены, кто-то в силе – калифом на час...

Отчураться быстрой, отречься и раны зализывать...

– Было?

– Не было!

– Правда?

– Неправда!

– Про вас?

– Не про нас!

* * *

Идешь, пиная мокрую листву,
в прозрачных кронах – мартовская радость,
и темных глаз случайному сродству
ответишь. Или – просто показалось?

Летишь сквозь ветки, прямо, напролом,
шажок навстречу – призрачная малость...
Так осень осенит своим крылом,
а ведь, скорее, просто показалось.

Беспечный смайл за тучей промелькнёт,
метнётся солнца запоздалый заяц...
Пушистый иней, первый хрупкий лёд,
лучистый взгляд. Нет, мне не показалось!

СЕВЕРНОЕ ТАНГО

Хочется тебя растормошить,
посмотреть, как тает айсберг белый,
чтобы – хохот громкий, от души,
или плач, взхлёб и без предела.

Холодок британский – западня...
Что под этой благородной миной?
Глеют угли скрытого огня,
искры танго пролетают мимо...

Кто-то где-то в сетчатых чулках,
в алом платье с вызовом и негой...

Нам привычней в джинсовых портках,
под завалом северного снега...

Образ твой нордический хранит
мифы аргентинского борделя,
трель бандонеона, рваный ритм
родины Пьяцоллы и Гарделя...

* * *

в этих краях не пристало сердиться на ветер
в этой реальности глупо пиликать про кризис
где-то ведь пухнут от голода малые дети
и в камуфляже брачуются с Сарою Изя

наша вода так свежа и прохладна из скважин
ну а радон улетучится мы в это верим
золото дружит с ураном как золушка с сажей
с мышкою клавиатура и с егерем звери

мир завалило сугробом до марта-апреля
пусть девальвация джигу отчаянно пляшет
таять Снегурочке сладко от песенки Леля
будет когда-то весна и на улице нашей...

